Рюрик Ивнев.

Четвертый Ангел
вылил чашу свою
на солнце: и дано
было ему жечь лю-
дей огнем.

Апокалипсис
XVI, 8.

САМОСОЖЖЕНІЕ.

(Откровенія).

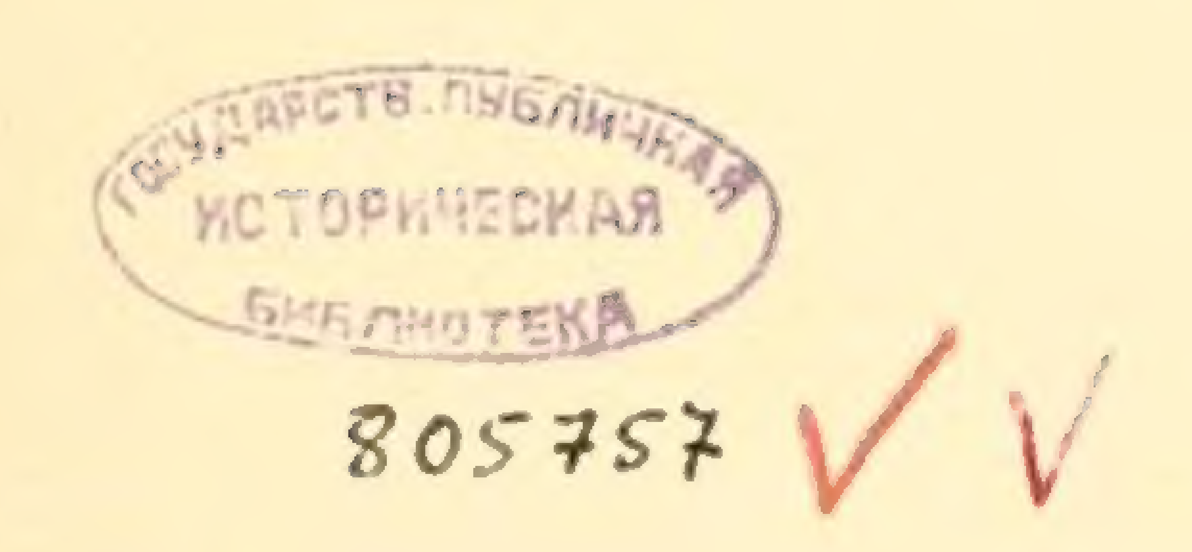
КНИГА I.

ЛИСТ 1.

оик Фут.

И видѣл я как-бы стеклянное море, смѣшанное с огнем; и побѣдившіе звѣря и образ его, и начертаніе его, и число имени его, стоят на этом стеклянном морѣ, держа гусли Божіи.

Апокалипсис XV, 2.

Был закат огненный. Тайный.
И горѣли, горѣли лучи.
В этот вечер, вечер случайный
Научи меня. Научи,

Как понять мнѣ, понять откровенье
При мерцаніи желтой свѣчи,
В чем великая тайна ученья
Научи меня. Научи.

Рюрик Ивнев.

Мнѣ повѣдал Великій Разум,
Что один есть правый путь:
Отряхнуть бремя жизни разом
И губами к огню прильнуть...

Пожирает безмолвный пламень
Сердце юное, чмокая ртом,
А душа, а душа, как камень,
Не горит, молясь об одном.

Простерѣв к неземному руки,
Я пойму окончательный смысл.
Станут ясны прежнія муки,
Станет ясно зарево числ.

Побѣдный шум... Тріумф послѣдній...
Он что-то шепчет, Человѣк.
Его слова звучат, как бредни,
Как стон измученных калѣк.

Вокруг—костер из бревен алых
И дым, как сладостный туман.
Глаза—в моленіях усталых,
И тѣло, точно истукан.

Послѣдній звук и шелест звучный;
Тріумф—побѣда из побѣд.
Над жизнью мертвенной и скучной
Взлетѣл мыслитель и поэт.

Огонь очистительно-ярый,
Очисти грѣхи мои.
Жду справедливой кары.
Огонь в моей крови.

Пылать, зная заранѣ,
Что душа, душа не сгорит.
Глаза в синем туманѣ,
Небо — малахит. Малахит.

Мы знаем наши ошибки,
Господь простит их нам,
Когда в небѣ, как волны зыбкій,
Зажжется звѣздный храм.

Придем с тобою в поле
В полуночный, урочный час.
Здѣсь будем молиться на волѣ
В послѣдній, послѣдній раз.

Потом мы вспыхнем, как порох.
Цѣпи, цѣпи, гремя, упадут,
Останется пепла ворох
И душа — от прежних минут.

Горящій Жезл сверкнул на небѣ,
Я на колѣни молча пал.
Был глас: Познай свой новый жребій
И мыслей новых идеал.

Вонзи свой взор в пространство ночи,
Пойми, что Тайна — это миг.
Что в небѣ мудрый, свѣтлый Зодчій
Извѣчной Силою велик.

Пойми! Сожги былое бремя,
Оковы тѣла разорви...
И вот грядет иное время
И всепрощенья и любви.

Припав к подножью алтаря,
В туманѣ утреннем и бѣлом
Я славил Звѣзднаго Царя,
Порвавши с міром огрубѣлым.

И были помыслы чисты,
Как снѣг горы недостижимой,
Как шепот первой красоты
И восхищенной, и любимой.

В отвѣт на безупречный зов,
На голос, полный тайной вѣры,
Упал молитвенный покров
И обнажил мои химеры.

Душа, как птица, задрожав,
Внимала смыслу откровенья,
И вдруг (поняв иль не поняв?)
Заволоклась мечтой Горѣнья.

В душѣ нѣсколько полос:
Одна — холод. Тьма.
Другая — волшебный голос,
Третья — танец ума.

Еще — полоска муки,
Стремленье уйти за предѣл.
Протянув кверху руки,
Стою — блѣден, как мѣл.

Чрез Огонь, святой, любимый,
Душу взяв — пронести, пронести.
В этом счастье найти могли мы
На своем, на извивном пути.

Сожженость — мечта святая,
Пепел сѣрых струн.
В розовых числах Мая
Каждый весел. Юн.

И в этот час чудный
Взойти на костер. Горѣть.
Глаза будут изумрудны,
Внизу — раскаленная мѣдь.

Тебѣ, Создатель, я молюсь,
Молюсь, как раб нѣмой, покорный.
Сегодня я, как тать тлѣтворный,
Но завтра я преображусь.

Тебѣ, Создатель, я молюсь,
Молюсь! Дрожит и ноет тѣло,
Молитва новая созрѣла,
И я, как Ангел, вознесусь.

Сгорит, как хлам ненужный, тѣло,
Но дух над міром воспарит.
Пусть плоть и кровь в огнѣ горит:
Душа моя заголубѣла.

Вечерѣет. Закрываю глаза я,
А на небѣ тихій закат.
Мнѣ пригрезилась степь золотая
И хлѣбов золотых аромат.

И когда в небѣ тучи нѣмыя
Стали алы, как свѣжая кровь,
Я припомнил мечты огневыя
И Огня неземную любовь.

Не о любви прошу тебя я,
Не о безумствѣ в поздній час.
Пусть пламя свѣта, догорая,
Нас озарит в послѣдній раз.

Огонь живительный и ясный
Возьмет истлѣвшія тѣла,
И будет миг святой, прекрасный:
Паденье Тьмы. Паденье Зла.

И расцвѣтут на полѣ алом
Мечтой рожденные цвѣты,
И змѣи с прокаженным жалом
Уйдут под землю, как кроты;

И языком бездымно жарким
Огонь лизнет в послѣдній раз
Нас, покоренных мигом ярким,
Во цвѣтѣ лѣт—в предсмертный час.

Храм. Святыя пѣсни и печали,
Взоры к Небу всѣ обращены.
У святых, разстегнутых сандалій
Руки дѣвы, мужа и жены.

Сверху Дух святой и величавый
Льет туман—святую благодать.
Здѣсь равны всѣ, радостны и правы,
На душѣ—горящая печать.

И горят над этим морем чистым,
Над толпой, склоненной у Креста,
Свѣчи желтыя въ мерцаньи мглистом
И поют их желтыя уста.

Эта пѣснь звучит во мглѣ негромко,
И не всѣм понять ея напѣв;
И душой невиннаго ребенка
Стала вдруг душа моя, прозрѣв.

И, склонив дрожащія колѣни
Пред огнем—горячим и живым,
Я стоял, рыдая средь моленій
И глотая ладон—синій дым.

В этой жизни нѣт счастья развѣ?
В этом мірѣ нѣт хрупких снов?
Не подобна ли жизнь наша язвѣ
На шкурѣ умертвленных скотов?

Я не знаю. Вижу мір весь смутно.
Знаю только, что будет час,
И мнѣ станет в огнѣ уютно,
И закрою я вѣки глаз.

И закрою, но буду знать я.
Буду видѣть весь мір и другой,
Буду слышать и вздох и проклятье,
Буду слышать в тоскѣ огневой.

В этой жизни—все сон. Минутно.
Там—страна иная спит...
И я вижу пока еще смутно
В каплях пламени новый зенит.

Никто не видит, не знает
Темной ночи заглушенный смѣх.
Костер в лѣсу догорает;
Я хочу замолить свой грѣх.

В темнотѣ, на холодных плитах
Я стою необутый, босой.
Говорю:—Мое сердце разбито,—
Говорю:—Дай священный покой.—

И в глазах, покрытых туманом,
Вдруг огонь—и вокруг огонь;
Я не вѣрю прошлым обманам,
Дни умчались, как бѣлый конь.

И теперь есть одно искупленье.
И теперь заклятье звучит:
—Будет снова потом воскресенье,
Когда тѣло твое сгорит.—

Змѣею зеленой и жилистой
Прикован, зачарован я.
Иду тропою извилистой—
Тропой бытія...

И вижу лица зеленыя,
И слышу истомный смѣх,
И губы вижу холеныя
И бѣлый, душистый мѣх.

Всё манит в бездну счастія
Утѣх и мечтаній нѣмых;
И слышу я шепот участія
И голос, что тонок и тих.

Но там, на концѣ путейности
Кроваво-алый магнит.
Там—запах мирры, елейности,
Там—костер святой горит.

И сквозь цѣпи злачено тяжелыя
И сквозь хохот злой толпы
Пойду истерзанный, голый я
Искать сладость горной тропы.

И найдя, затаив искушеніе,
Разорву я холеную цѣпь!
Будут ярки, безумны мгновенія,
И заискрится темная степь!

Послѣдній час... Я руку поцѣлую
Тебѣ, святая.
Гляжу на верх. Там бездну голубую
Я замѣчаю.

Внизу костер. И пламень восхищенный
Жжет, лобызая,
Меня, меня, мой профиль утомленный,
Не угасая.

Был вечер или не вечер,
Было грустно или нѣт?
Горѣли свѣчи?
Или не был свѣт?

Узнать нѣтъ мочи.
Туман. Туман.
Смѣялись очи?
Или всё—обман.

Сгорѣло тѣло,
Иль огонь потух?
Кто смѣялся смѣло?
Гдѣ запѣл пѣтух?

Я вѣрю в твою очистительность, Горящій, Палящій Огонь,
В пронзительность вѣрю твою я, молю я, мнѣ душу затронь;
И искры не меркнущей Истины вложи на мгновеніе в кровь.

И Дух мой да будет очищенный, и вспыхнет и встанет любовь.
Я вѣрю в твою очистительность, Горящій, Палящій Огонь.
Разсѣй же безумных сомнительность, и душу и сердце затронь.

Всё проснулось во мнѣ огневое,
Что дремало в глубинах когда-то,
И забилося сердце святое,
Запылало в рубинах заката.

И сгорѣло тоскливое тѣло.
Молодое желаніе—пепел.
И забыл я, кровь алую не пил,
Или пил я в тоскѣ огрубѣлой?

И теперь--лишь дрожанье эфира,
И теперь—свѣт в разрушенном гротѣ.
И забыл я безуміе міра,
И забыл я волненіе плоти.

Дни, ушедшіе в вѣчность—лепестки маргариток,
Отрываемых дѣвушкой.—Да. Нѣт. Да. Нѣт.—
Прошлые дни,—драгоцѣнный слиток,
И стих, что не допѣл поэт.

Вечер, шуршащій тонкими тканями,
Унесет дни, цвѣты—дни.
Вечерами, вечерами ранними
У взморья зажгутся огни.

За туманными, сѣрыми клочьями
Плывут корабли, корабли...
Их огни, их огни многоточьями
Далеко от земли.

Эти дни, эти дни унесенные—
Что они для меня, что они?
Сердце мое сожженое,
Сердце, усни.

Глаза полузакрыв, вдыхая пламень яркій,
Душой проснувшейся я несся к небесам.
Молился я из тьмы примчавшимся часам,
Что дали смертному безсмертные подарки:

Любви стозначный смысл и мысли трепет жаркій...
Я вышел за предѣл. Рукою твердой сам
Дал Огнь пронзающій лицу и волосам,
И дрогнув пала цѣпь, и пали жизни арки.

И вот иная жизнь, как явь, проникла в кровь,
Рождая новыя, незнанныя начала.
Душа в томленіи безмолвном задрожала,

Познав всё скрытое и скрытую любовь.
Внизу костер горѣл, измученный до ѝла,
И озаряла Верх Божественная Новь.

Рюрик Ивнев.

S'

СКЛАД ИЗДАНІЯ: КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ЗВЕНО.

Москва, Б. Никитская, 20. Телефон 127-48.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА, 1913.

МОСКВА,
ТИПОГРАФІЯ Я. Г. САЗОНОВА,
БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ Д. 31.
ТЕЛЕФОН 81-20

1289—12.